

Мехеш Кароль

Рукопожатие с королем Швеции

О том, что я шведка, я сказала только отцу.

Я пока не могу этого объяснить, просто чувствую, в глубине самого своего существа, что я шведка. Что бы это ни значило.

Мой отец обычно шутит по любому поводу, но иногда он все же действительно прислушивается к тому, что я говорю.

И он все понимает. Как известно, слова - это только поверхность и за ними всегда таится нечто большее.

«И что же теперь будет?» - спросил он серьезно. Пожалуй, слишком серьезно; сейчас я бы предпочла, чтобы он просто попытался уколоть меня парой обидных слов.

«Мне нужно выйти замуж за шведа и переехать в Швецию», - ответила я.

«Твою же мать», - ругнулся он, ведь мы больше не заботимся о том, чтобы подбирать слова - «А почему ты, например, не португалка?»

Этот спор длится между нами уже давно. Два года назад я поняла, как сильно мне хочется холода. Ветра. Дождя. Озноба. Еще больше осени.

Мой отец лишь покачал головой. Он большой любитель жары и уже в начале августа начинает сетовать, что наступают осень, что все кончено и вообще дальше жить нет смысла.

«Муж-швед», - пробормотал он. «Смотритель маяка? Охотник на оленей?»

«Дровосек», - не задумываясь ответила я.

От одной моей одноклассницы я слышала, что ее родственница вышла замуж за парня из Трансильвании, они переехали в Швецию, и теперь этот парень работает там дровосеком. Они живут в глубине леса, родственница рождает детей одного за другим, а трансильванец валит деревья.

От одной только мысли о том, как это, должно быть, здорово, у меня закружилась голова.

Но мне нужен только настоящий шведский дровосек. Никак иначе.

«Дровосек», - пробормотал мой отец. Я ждала какой-нибудь остроты в ответ. Но ее не последовало.

Я шведка, но не потому, что больше не хочу быть венгеркой. Точнее, моя шведскость вообще никак не связана с какими-либо национальными чувствами. Даже с симпатией. Синий и желтый мне нравятся не больше, чем красный, белый и зеленый. Я уже покрасила ногти акварелью в цвета обоих флагов.

А вот серый мне очень по душе.

Кроме этого, то ли из честолюбия, то ли просто по какой-то прихоти, обожаю золото и серебро.

Блеск и размытость.

В хорошую погоду я никогда не откажусь от того, чтобы меня куда-то подвезли, хотя бы за компанию.

Мы с отцом соревнуемся, кто сможет смешнее всего сделать замечание какому-нибудь неуклюжему пешеходу или назойливому автомобилисту.

“Ну что за слон в парике!”, “Слюнявая голова!”, “Почисть зубы шпинатом!” и тому подобные фразочки мы выкрикиваем, в основном, друг другу и наслаждаемся поездкой.

Все это в хорошую погоду.

Но когда на улице холодно, туман, промозгло, мне хочется быть одной. Под дождем.

Снегом.

Льдом.

Я надеваю дождевик, желтую непромокаемую шляпу и иду. Неважно, что тренировка по плаванию или библиотека находятся на другом конце города. Я совсем не против подождать на автобусной остановке, пока ветер хлещет по мне. Я мерзну, но этот холод не мучение, а дар.

Благородный холод, в котором моя дрожь - это колебания моей души.

Потому что теперь я знаю, что так бывает.

Я не заболеваю, у меня не течет из носа, и даже если у меня иногда побаливает горло, то только потому, что я разговариваю даже в одиночестве.

Вернее, я говорю с собой, беззвучно, с открытым ртом, поэтому, когда мне приходится говорить настоящие, имеющие отношение к этому миру слова, сначала лучше прочистить горло

Иногда отец кладет передо мной газетную статью о Швеции или просто так, без особого умысла, замечает: “А вот шведы...”

Быть шведом - такое же невежественное состояние бытия, как и быть венгром.

Когда отец спросил у меня: «Ну, и кто сейчас король?» я, конечно, не знала.

Потом мы от души посмеялись над тем, какое все-таки глупое имя Карл Густав. В завершение отец добавил: «Прекрасная у него фамилия - Шестнадцатый!»

Я знаю, что столица Швеции Стокгольм, но меня это мало интересует. Я думаю, что настоящим шведом можно быть только где-то очень далеко на севере. На карте я нашла маленький городок под названием Норшё.

Это именно такое место.

Я представила, что родственница моей одноклассницы тоже живет в Норшё. В моем представлении, Норшё - это несколько улиц с разноцветными деревянными домами, между которыми возвышается

белая церковь. Может быть, дровосек и его семья живут и не в лесу, а как раз в Норшё. У них девять детей. Когда я была в детском саду, я хотела, чтобы у меня было девять детей и два мужа. Сразу двое, потому что не могла выбрать между двумя Балажами из старшей группы. Но это было давно, тогда я еще не была шведкой. Отец до сих пор подшучивает надо мной по поводу девяти детей, тем более что с годами количество детей, которых я хотела бы иметь, неуклонно уменьшалось. Теперь, когда он спрашивает, я просто мудро отвечаю: «Посмотрим». Я стала более осторожной, исходя из собственных соображений. Что, если мои дети в Швеции однажды осознают, что они португальцы, как предлагал мой отец?

Не то чтобы это было трагедией. Возможно, полезно знать, кто ты такой.

Мой отец сказал, что знал человека, который был почти как я. Это был французский парень, который жил в прекрасном 250-летнем доме в знаменитой своим шампанским провинции, но все равно не был счастлив. Потому что он тоже жаждал холода. Чего-то более жесткого, грубого. Чего-то всеобъемлющего; именно это слово приходит мне на ум, по моему опыту. Он хотел в Гренландию, страну льдов, но так и не переехал туда, более того, он там даже ни разу не бывал, по крайней мере, насколько известно моему отцу.

Впрочем, Гренландия не так уж плоха. С тех пор как я услышала историю о старом друге моего отца, я много думаю о ней. Мне нравится, но это слишком экстремально. Если бы я хотела жить среди ледяных глыб, то просто бы переехала в морозилку. Гренландия, говорят, все равно растает. Ее лед охладит Гольфстрим, и в Европе будет достаточно холодно...